

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Банк ВТБ 24» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 397 Трудового кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

16 декабря 2010 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, В.Г.Ярославцева,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы ЗАО «Банк ВТБ 24» к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации ЗАО «Банк ВТБ 24» оспаривает конституционность положения абзаца второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации и статьи 397 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которым в случае отмены в порядке надзора решений суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, поворот исполнения

решения допускается, если отмененное решение суда было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

По мнению заявителя, указанные законоположения не соответствуют статье 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку не позволяют защитить имущественный интерес работодателя – собственника имущества, который лишен возможности возместить причиненный ему ущерб посредством взыскания денежных средств, выплаченных работнику на основании решения суда, которое было впоследствии отменено.

Оспариваемые ЗАО «Банк ВТБ 24» нормы применены в его деле судами общей юрисдикции.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

В соответствии со статьей 37 (часть 4) Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения.

Закрепляя механизм разрешения индивидуальных трудовых споров, федеральный законодатель в силу требований статей 1, 2, 7 и 37 Конституции Российской Федерации должен обеспечивать надлежащую защиту прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 года № 3-П и от 25 мая 2010 года № 11-П). При этом учитывается не только экономическая (материальная), но и организационная зависимость работника от работодателя, в силу чего предусматриваются гарантии защиты трудовых прав работников при рассмотрении индивидуальных трудовых споров, к которым, в частности, относятся бесплатность обращения работника в органы, рассматривающие трудовые споры, освобождение работника от судебных расходов, возложение в отдельных случаях бремени доказывания на работодателя, обращение

некоторых видов решений суда по трудовым спорам к немедленному исполнению (о восстановлении на работе, о выплате работнику заработной платы в течение трех месяцев).

Ограничение обратного взыскания с работника сумм, выплаченных ему на основании решения суда, вступившего в законную силу, является одной из таких гарантий и преследует цель соблюдения баланса прав и интересов работодателя и работника, не имеющего, как правило, иных источников дохода кроме заработной платы и выплат, возмещающих ее утрату, в том числе при вынужденном прогуле в случае увольнения, признанного судом незаконным.

Само по себе закрепление процессуальных гарантий защиты трудовых прав работников, добросовестно участвующих в судебном разбирательстве индивидуального трудового спора, направлено на обеспечение реализации конституционного права работников (как более слабой стороны в трудовом правоотношении) на судебную защиту и согласуется с положением статьи 1 Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающим в качестве цели трудового законодательства установление государственных гарантий трудовых прав работников. Такое правовое регулирование основано на возможности ограничения права частной собственности федеральным законом, допустимого, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 1996 года № 20-П, в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, и не может расцениваться как нарушающее права работодателя.

Кроме того, оспариваемые заявителем законоположения применяются в равной мере в отношении всех работодателей, как финансируемых из бюджетов различных уровней, так и не относящихся к бюджетной сфере, и не нарушают установленный статьей 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации принцип равной защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Банк ВТБ 24», поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1650-О-О

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ К.В. АРАНОВСКОГО**

Не разделяя позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в Определении от 16 декабря 2010 года N 1650-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества "Банк ВТБ 24" на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 397 Трудового кодекса Российской Федерации, полагаю возможным высказать в соответствии с частью первой

статьи 76 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" нижеследующее особое мнение.

Считаю, что обращение ЗАО "Банк ВТБ 24" и неопределенность относительно соответствия Конституции Российской Федерации абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации и статьи 397 Трудового кодекса Российской Федерации образуют как повод, так и основание к проверке конституционности названных законоположений.

Оспариваемые заявителем законоположения устанавливают материальное и процессуальное неравенство работодателя и работника постольку, поскольку лишают работодателя права на поворот в исполнении решения суда о взыскании с работника денежных сумм, если это решение отменено в порядке надзора и не было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или на представленных им подложных документах. Это означает, что деньги, взысканные по неправомерным основаниям вследствие судебной ошибки, работодатель утрачивает, а другое лицо (работник) получает процессуальную защиту своего незаконного денежного приобретения.

Разумеется, по общему правилу государственные гарантии трудовых прав работников, вводимые федеральным законом с ограничением, в том числе, права частной собственности и процессуальных прав, сами по себе не противоречат Конституции Российской Федерации и прав работодателя не нарушают. Но, как установил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 1996 года N 20-П, такие ограничения допустимы в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Другое, столь же обязательное и многократно подтвержденное Конституционным Судом Российской Федерации условие состоит в соразмерности правоограничения конституционно защищаемым целям (ценностям), ради которых оно вводится.

Федеральное законодательство должно содержать гарантии трудовых прав и действительно предусматривает их во множестве и в разнообразии, включая правовые преимущества работников и правоограничения для работодателей при разрешении трудовых споров. Так, предусмотрены бесплатное обращение работника в органы, рассматривающие трудовые споры, и его освобождение от судебных расходов, возложение в отдельных случаях на работодателя брeмени доказывания и освобождение от него работника, предусмотрено также обращение к немедленному исполнению некоторых видов решений, постановленных в пользу работника.

Преимущества, обоснованные тем предположением (не лишенным оснований, но и не безусловным), что в трудовых правоотношениях работник поставлен в "зависимое" положение "слабой стороны", предназначены дать защиту его правам и законным интересам. Принципиально подтверждаемая, в частности, Постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 года N 3-П и от 25 мая 2010 года N 11-П надлежащая защита прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны не отменяет, вместе с тем, как прав работодателя, так и защиты таковых, если работник нарушает свои обязанности и причиняет ему ущерб.

Факт незаконного восстановления лица на работе неправосудным решением, вступившим в силу, исполненным и впоследствии отмененным, не может быть основанием к прекращению прав пострадавшей стороны, которой работодатель в этом случае становится. При отмене решения о восстановлении на работе работник, нарушавший трудовые обязанности и с вероятностью причинявший работодателю имущественный, деловой, репутационный или иной вред, получает, будучи неправой стороной, выгоду в виде удержания денег, которых он не заработал и на которые не имел иного права. Та его заслуга, что работник не лгал суду и не фальсифицировал документальных доказательств, едва ли достойна подобных поощрений. Когда лицо воздерживается от посягательств на правосудие, его добросовестность поощряется уже тем, что ему не грозят наказания. Если же

эта добросовестность столь значительна, что дополнительные поощрения за нее все же нужны, то вряд ли позволительно предоставлять их за счет имущества работодателя без его согласия и с ограничением конституционного права собственности.

Безусловным, в отличие от условной доктрины "слабой стороны", представляется правовой принцип, в силу которого противоправные интересы правовой защите не подлежат. Иное означало бы защиту злоупотребления правом вопреки существу, в том числе, трудовых прав и гарантий, а с другой стороны - влекло бы лишение лица, выступающего работодателем, конституционных гарантий государственной и судебной защиты его прав (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации) и неприкосновенности его собственности (статья 35, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Отказ работодателю в восстановлении его прав поворотом в исполнении решения, отмененного в порядке надзора, опирается лишь на предположение о том, что работодатель представляет в трудовых (и в процессуальных) отношениях сильную (господствующую) сторону, в отличие от слабой и зависимой стороны работника. Предположение это основано на допустимом, но приблизительном обобщении, которое в значительном числе случаев, как и любая презумпция, не подтверждается. Если же дать ему силу неопровержимой истины, это обеспечит укоренение неравенства сторон в трудовых отношениях, упразднит саму перспективу условного баланса их прав, поощрит покровительственное со стороны работодателя и приниженное для работника положение, где одна из сторон господствует на правах строгого хозяина, вместо того чтобы быть контрагентом договора. Принимая такое положение, работник остается в личной зависимости без притязаний на свои права, имея лишь надежду на выгоды, полагающиеся слабому соразмерно благосклонности сильных.

Перевод предположения об экономической, организационной и прочих видах "слабости" работника в статус твердого принципа неверен не только из-за его несостоятельности в качестве бесспорной истины, но и ввиду

ненадежности как законодательного мотива. Оспариваемые законоположения можно столь же уверенно (и со столь же ошибочными последствиями) мотивировать угрозой широких конфликтов на почве трудовых отношений, имея в виду уже не "слабость", а силу массы работников, удержать которую от опасных резкостей должны их преимущества и ограничения прав работодателя. Непригодность таких средств в достижении соответствующих целей сама по себе подобные законодательные мотивы не пресекает, что и делает их реальными либо вероятными вопреки сострадательному мотиву о поддержке "слабой стороны" в трудовых отношениях.

Оставленное без оговорок и корректив, утверждение "слабости" работника противоречит другому утверждению, а именно тому, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, как это установлено статьей 2 Конституции Российской Федерации.

Противоречит оно и политике социального государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации). Ни достойную жизнь, ни свободное развитие обеспечить нельзя, если множеству дееспособных граждан предложить роль однозначно слабой и зависимой стороны именно в той области отношений, где им предназначено осуществлять себя самым деятельным образом, осваивать и применять навыки правового поведения. Укоренение личной зависимости обеспечивает не стремление к жизни, исполненной достоинства, а беспечную свободу от рисков и ответственности за состояние личных, семейных, общественных дел с верой в попечение "сильной стороны", причем не только в трудовых, но и в других, включая публично-властные, отношениях.

Согласно статье 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством. Между тем поставить под охрану достоинство можно, лишь если оно широко распространено как действительная самостоятельность, непрерывно проживаемая человеком в правах и обязанностях и обремененная, разумеется, рисками и

ответственностью. Зависимость же от "сильной стороны" в любом случае достоинству противоречит. Охраняемое Конституцией Российской Федерации достоинство личности предполагает состояние ответственности, в том числе по долгам, возникающим при повороте в исполнении судебного решения.

Таким образом, закрепленный оспариваемыми законоположениями запрет поворота в исполнении решения ограничивает, с одной стороны, конституционные права работодателя (гражданина или организации), и, с другой стороны, он не может обеспечить достижение целей, установленных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В частности, вместо защиты прав других лиц, оспариваемые нормы в их собственном смысле допускают защиту противоправного интереса к удержанию неправомерно полученных денег.

Принципу соразмерности правоограничений они также не отвечают, поскольку предполагают достижение не конституционно оправданных, но несправедливых целей. Они исключают достижение той цели, которую Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно определял как баланс прав и законных интересов работодателя и работника. В отличие от немедленного исполнения решения или ограничения материальной ответственности работника и подобных преимуществ, восполняющих реальные или презюмируемые невыгоды его положения, оспариваемые правила подобный баланс опровергают.

Отношения баланса таковы, что в них участвуют однородные и сопоставимые величины, например права работника и права работодателя. Не может образоваться баланса то, что исключает друг друга в решительном противоречии. Правомерное требование или право не могут войти в баланс с такими своими противоположностями, как нарушение обязанностей или неосновательное обогащение по неправоначальному акту. Во взаимном отрицании, а не в балансе сходятся конституционное право собственности, гарантии судебной защиты и, с другой стороны, удержание денег, полученных из-за судебной ошибки лицом, уволенным за ненадлежащее

исполнение трудовых обязанностей. Ему вне всякого баланса достаются выгоды "слабой стороны", не обоснованные, например, инвалидностью, недееспособностью, старостью, сиротством, болезнью или соображениями стабильности правопорядка.

Ссылка на то, что работник, взыскавший с работодателя деньги из-за судебной ошибки, обычно не имеет иных источников дохода, кроме заработной платы или компенсаций прогула, якобы вынужденного, не оправдывает удержание неправомерно полученного. На таком основании и другие случаи присвоения исключали бы возвращение имущества, если лицо, неправомерно им завладевшее, ограничено в источниках дохода или терпит нужду. Тому, кто нуждается, следует обеспечить не легализацию незаконных приобретений, а вспомоществование либо содействие в социальной реабилитации.

Вообще, при независимом правосудии судебные акты заранее не предрешены посторонним вмешательством, вследствие чего приобретения в судебном споре всегда отчасти рискованны до тех пор, пока не исчерпаны возможности пересмотра постановлений суда. И если субъект законодательной власти решает кого-либо избавить от подобных рисков, то сделать это он может за счет казны, но не других лиц.

Доводимый до крайности, тезис о преимуществе "слабой стороны" несправедлив по сути именно в крайнем своем значении. В этом смысле он вредит конституционному строю, ибо возводит в принцип опасное заблуждение, в силу которого конституционными правами гражданина, юридического лица, собственностью можно жертвовать ради справедливости в том ее истолковании, что у работодателей или предпринимателей, отмеченных метафорой "сильной стороны", не предосудительно взять "лишнее", что "у них не убудет". Действительно, по-настоящему сильная сторона, быть может, не слишком пострадает, но вред, причиняемый справедливости, пагубно отразится на конституционном правопорядке в целом, на гражданственности и достоинстве многих участников конституционно-правового общения. Принципиальное распределение

субъектов трудового правоотношения на "слабую" и "сильную" стороны согласуется в смысловом отношении или, по крайней мере, не противоречит идеологии противостояния труда и капитала, т.е. доктринально-правовому источнику, или возбудителю, социальной (классовой) розни, которую определенно отрицает Конституция Российской Федерации, в том числе ее преамбула и статья 13 (часть 5).

Реализуемый в крайнем своем значении, принцип преимущества "слабой стороны" ослабляет перспективу утверждения конституционных начал в трудовых отношениях, где работодатель, права которого заметно обесценены ограничительными условиями их судебной защиты, понуждается либо к отказу от своего дела, либо, что более вероятно, к неуважению прав и удержанию работника в зависимости, пресечению в нем самого побуждения настаивать на своих правах. Законодательные решения, принимаемые по этому принципу, отклоняются от ряда принципов российского трудового права, отвечающих Конституции Российской Федерации и предусмотренных статьей 2 Трудового кодекса Российской Федерации, таких как обеспечение права работника на справедливые условия труда, социальное партнерство, судебная защита трудовых прав, обязанность обеих сторон соблюдать условия трудового договора, защита достоинства работников. Подобные решения затрудняют соблюдение статей 21, 22 и других положений Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающих права и обязанности сторон трудового договора во взаимосвязанном их балансе.

Изложенное, как представляется, дает основания сомневаться в конституционности абзаца второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации и статьи 397 Трудового кодекса Российской Федерации. Эту неопределенность Конституционный Суд Российской Федерации мог бы разрешить, рассмотрев соответствующую жалобу ЗАО "Банк ВТБ 24".

Судья
К.В.АРАНОВСКИЙ